

Мой любимый Неаполь

Страшно подумать: впервые я приехал в этот город на Зоологическую Станцию «Антон Дорн» 24 года назад (в 1996-м). Туда из Лондонского Университетского Колледжа перебрался, защитив Ph.D., Мартин Уайлдинг, который до того выпросил у меня для защиты мою картинку:

(История, связанная с ней, изложена в анекдоте «Неправильные пчелы» <http://yu-b-shmukler.narod.ru/Anekdots/37.html>)

Он обещал содействие с устройством и всяческие удобства в работе, но откуда я набрал денег на эту поездку и как это все вытерпела от меня Танька –загадка! Меня за символическую плату поселили в Сант-Аньелло по соседству с Сорренто; от этого жилья, как и от обеда у хозяйки дома синьоры Лампо (Вернусь в Сорренто! <http://yu-b-shmukler.narod.ru/Anekdots/15.html>) у меня остались незабываемые впечатления. По символической же цене выдали мне и талоны в канину Станции, а, главное, научили работать на электрофизиологической установке, совершенно не будучи обязанными это делать.

Впоследствии щедрость неаполитанских коллег достигла совсем уж заоблачных и незаслуженных мной высот: вторую и третью поездки Станция оплатила мне частично, а две последние – полностью, терпя мое мелькание у установки для patch-clamp'a по два-три месяца. Не знаю, насколько я отдалился за это соавторством в написанных по результатам

этих визитов статья... В те годы бескормицы российской науки я получил возможность делать то, на что дома рассчитывать не мог, да и, вообще, что можно было в то время делать в России... В Неаполе я добил и последние серии для своей докторской, и потом продвинулся дальше... У меня там даже случилось несколько выходных, когда я повидал местные ценности, вроде виа Рома и виа Толедо, замка Маскьо Анжойно, Капель-дель-Ово, галереи Каподимонте. А в один из визитов я выбрался и в Помпеи с Геркуланумом – незабываемые впечатления от этих руин и двухтысячелетнего пепла под ногами.

Потом настали более жесткие времена, на Станции стало сложнее с деньгами, и мои регулярные поездки туда прерывались, хотя связь с коллегами сохранялись. Трижды мы с Таней заезжали в Неаполь в наших путешествиях по Италии и заглядывали в гости на Станцию. А в прошлом году докторесса Элизабетта Тости, которая принимала меня в прошлые приезды, написала, что европейская организация ASSEMBLE Plus финансово поддерживает исследователей, которые не имеют возможности работать на морских животных у себя на родине. Положение России как европейского изгоя усложняло ситуацию – для нечленов Европейского Сообщества выделяется не более 20% от общего финансирования (и, как я понял, только в случае, если нет заявок от европейцев), и мы с Денисом Никишиным получили такой грант только со второго раза.

С аэродрома мы направились в снятый для нас В&В на самой, что ни на есть центральной исторической виа Toledo, за что таксист содрал с нас 60 евро... (обратно я уже предпочел автобус за 1.10...) Этот хитроумец еще и наколот нас в чисто неаполитанском стиле (мы с Танькой уже так попались раз) – не желая соваться вглубь пешеходной зоны, которую он, судя по всему, знал не очень хорошо, высадил со словами, де, тут совсем недалеко, и умчал. А мы, озираясь и спотыкаясь на каждом шагу, потом топали еще метров 400 в поисках табличек своей улочки и номера дома, которые тут не очень любят выставлять напоказ.

В конце концов, мы нашли ворота, ведущие во двор, а там по-старонеаполитански высоченные этажи и лифт, который (впервые такое встретил!) начинает двигаться только от пятицентовой монетки, которой у нас, естественно не было. Поэтому чемоданы пришлось тащить на 4-й (по-местному – 3-й этаж) вручную. С этим лифтом, вообще, была странная история: вдруг как-то в субботу мы вошли в него с каким-то итальянским соседом, и тот объяснил, что монетка нынче не нужна, а я как раз наменяли целую кучу, вон, до сих пор на столе еще парочка лежит. Действительно, лифт поехал задаром, и потом эта халява длилась несколько дней, когда этот железный конь вдруг опять заартачился и потребовал пятак.

Взобравшись по бесконечной лестнице, я оказался в комнате с антресолюю, всеми удобствами и жуткой из-за сильного сырого ветра холодрыгой, которая ночью не давала спать, пока я не завернулся во все мыслимые утеплители... А утро встретило нас ярким солнцем и тем же ветром.

Мы двинулись к Станционе по заполненной народом виа Толедо, где я столкнулся с сюрпризом в виде армейского грузовика и тройного патруля. К избытию в Италии силовых структур я уже привык – ко всем этим муниципальным, дорожным и государственным полициям, финансовой гвардии и карабинерам, но вот армейцев на улицах увидел впервые. Вилла Комунале, в которой располагается Станция, встретила непривычной пустотой. Обычно там с самого утра прогуливают собак и детей, досыпают на скамейках бомжи и пробегают фитнес-озабоченные неаполитанцы и неаполитанки. А тут – тишина и пустота, и только кучи пальмовых ветвей, сваленных на дорожках.

Миновав ворота Станционе, мы оказались во внутреннем дворике, совершенно разгромленном с правой стороны – там, где над входом была вывеска Acquario. Когда я приехал в Неаполь в первый раз, именно там был главный вход, сидел охранник с пистолетом, а в самом конце коридора на первом этаже гнездилась принимавшая меня лаборатория Брайена Дэйла. С тех пор на Станционе начался перманентный ремонт, все

постоянно менялось и перемещалось, и вот теперь главным входом стал прежде закрытый, а сам Аквариум, на котором Станционе подзарабатывала какие-то копейки, не функционирует с неясной перспективой на будущее.

Мы со своим малым джентльменским набором – фармакологией и химикатами – предстали перед очень строгим охранником, который отобрал у нас паспорта, а взамен выдал бэджики гостей. Надо отдать должное, такие строгости продолжались недолго, и уже на третий день, поняв, что мы не взорвем Станционе и не украдем

реликвии времен работы здесь Ильи Мечникова, на нас просто перестали обращать внимание и паспорта больше не изымали.

Поднявшись на третий этаж, где теперь расположилась группа Элизабетты, мы встретились с моим старым приятелем Раффаэле Бони и незнакомыми мне молодыухами – аспиранткой и дипломницей Элизабетты. Установка, на которой я работал в 2006 году и

собирался работать нынче, стояла в практически неизменном виде. Удивительным образом, многие из тех, с кем я познакомился еще в свой первый приезд, по-прежнему работают там, разве что возраст у старших подваливает к местному пенсионному, а там с этим строго – по достижении его научники могут работать только задаром... Баночки красной икры в качестве сувениров имели успех.

Как раз Элизабетты, которая на два года моложе меня и должна вскоре уходить на пенсию, в лаборатории не было – она была у врачей, так что мы, хотя и расположились в лаборатории и договорились насчет получения морских ежей для работы, поняли не все из того, что нам говорили... В результате, когда мы собрались уходить уже в темноте, часов около восьми вечера, оказалось, что мы заперты, нет, не в здании Стационе, запертыми оказались все ворота парка Вилла Комунале, которые обычно закрывались часов в десять вечера... Пришлось форсировать забор в лоб... Наверное, почти семидесятилетний доктор на заборе, выглядел достаточно дико, но мне было на это наплевать.

Уже наутро, когда мы опять уперлись в запертые ворота Виллы, выяснилась причина всех этих странностей. Оказывается, в Неаполе объявлена чрезвычайная ситуация и введены армейские патрули. Нет, не из-за того, что вы подумали – это было еще впереди. Все эти ограничения на вход в парк были введены из-за сильных ветров и, в частности, опасений падения старых пальм Виллы Комунале. Убей бог, если я понимаю, каким образом солдаты и броневики могут помочь против ветра, а тем более против последовавшей эпидемии. А Стационе предпринимала собственные усилия – ворота напротив входа в нее открывались только каждые полчаса буквально на минуту, а кто не успел – шел гулять на следующие 30 минут. Мы потом так и не научились находить кафе, заказывать и все съесть за полчаса, и обеденный перерыв из-за этого затягивался. А кантина, которая так меня выручала в прошлые приезды, оказывается, была закрыта буквально за месяц до нашего появления из-за каких-то несоответствий бюрократическим правилам...

С другой стороны, осознание того, что за полчаса все равно не успеть, способствовало спокойствию и лучшему перевариванию пищи, за которой в итоге поисков проходило довольно далеко удаляться от Стационе. К сожалению, моя любимая кофейня напротив Виллы – Гранкафе Пиньятелли – закрылась навсегда, там, с моей точки зрения,

был лучший кофе в Неаполе, а, поскольку она несколько на отшибе, там не было ажиотажа и толп, вроде тех, что на Пьяцца Плебицито и дальше к центру. Тем не менее, мы с Денисом нашли не одно место, в котором кофе вполне соответствовал марке неаполитанского и лично мне приносил настоящее наслаждение. Как я ни стараюсь своими силами сделать нечто подобное, получается очень посредственно, хотя и лучше, чем в большинстве московских забегаловок. А в Неаполе по утрам настоящий кофе очень бодрит, особенно вкупе с вкуснейшими пирожными и плюшками с заварным кремом,

которые нам служили завтраком – при тотальном расхождении вкусов у нас с молодым

коллегой обнаружился и момент трогательного единства – оба оказались сладкоежками, и вопрос «чем будем завтракать» дискуссий не вызывал.

В работе мы получили споспешествование в работе даже сверх ожиданий. Алессандра потратила на меня кучу времени, чтобы помочь восстановить навыки работы на электрофизиологической установке, матобеспечение которой претерпело заметные изменения. Помогли нам с получением помощи с фиксациями и молекулярно-биологической кухней. Меня всегда поражает доброе отношение людей, которые ничем мне не обязаны и которым от меня – одно беспокойство. Безграничное содействие мы получили и со стороны Давиде Кармиело, правителя местной группы экспериментальных животных – каким-то образом он меня запомнил с прошлых приездов – последний – 14 лет назад, и делал для нас все возможное по обеспечению морскими ежами. Нам даже разрешили брать ключи и работать в его владениях в выходные, когда на Станционе не было, кроме нас, почти никого.

Впрочем, некоторые ограничения мы встретили – теперь задерживаться на работе после полвосьмого не разрешается, и так сидеть ночами, как я в 96-м, уже нельзя. Поэтому, возвращаясь домой, мы оказывались, начиная с кафе «Гамбринус», в плотнейшей толпе, особенно густой у популярных среди местных кафе. Кстати, мы в один из вечеров с помощью этого заведения решили проблему ужина, но впредь от этого пафосного, дорогого и не слишком вкусного места отказались.

Надо признать, что на виа Толедо предпринимались серьезные попытки поддержать уличную гигиену, которая в Неаполе стала притчей во языцех, но все равно все мусорные урны были забиты битком, мусорщики метались по улице с метлами и совками наперевес, но помогало мало. Еще хуже дело обстояло, если отойти от этой пешеходной магистрали на квартал в сторону, хотя и не так отчаянно, как, например, в районе вокзала на Пьяцца Гарибальди.

В один из вечеров, основательно уработавшись, мы поползли домой, а по дороге – на Пьяцца деи Мартири - свернули в музыкальный магазин "Фельтринелли", в котором когда-то я из-за аварии на Станции купил роскошный диск Вивальди. Коллега говорил мне, что хочет приобрести местную кулинарную книгу - он их коллекционирует. Количество книжных в Неаполе довольно резко сократилось, но оказалось, что теперь этот магазин всю торговлю еще и книжной продукцией, и мы нашли целую кучу литературы, посвященной местным яствам. Коллега приобрел одну из них (на снимке), а я - попроще, добыл в соседнем минимаркете две пачки настоящего неаполитанского кофе "Кимбо", разительно отличающегося от того, что нам впаривают в Москве.

Ближе к концу командировки мы уже опробовали все кафешки на маршруте от Стационе до квартиры. С подначки Дениса, который в первый выходной поднялся на гору Сант-Эльмо и попутно обнаружил там супермаркет, который в Неаполе большая редкость, дернули вечером туда. Наверх нас на довольно большой скорости протащил фуникулер через тоннель, прогрызенный в горе. Супермаркет действительно оказался супер – там было все необходимое, достаточное и сверх того, в том числе мои любимые миллеровские йогурты, которые у нас производятся только с противными хрустящими шариками, а там – с

вкуснейшими фруктовыми соусами, которые очаровали меня еще в лондонских командировках. Там же по соседству мы нашли и кафе и отужинали.

Приключение случилось, когда мы собрались домой. Сунулись на станцию фуникулера, попытались купить билеты по карточке, как сделали это на станции внизу на виа Толедо, но оказалось, что тут такого автомата нет. Мы метнулись к дежурному по станции, и он перенаправил нас в киоск, торгующий шоколадками, но там от единственной наличной 100 евровой купюры отмахнулись, как черт от ладана. Это, между прочим, был уже второй случай, когда неаполитанцы отказывались принимать такую банкноту. Тащиться с высоты Сант-Эльмо даже под гору желания не было никакого, и мы опять сунулись к дежурному по станции, а он совсем по-нашему махнул рукой, дескать, пролезайте даром, что мы и не замедлили сделать.

Наутро мы с Денисом разошлись на целый день – впервые за эту командировку. Он отправился по достопримечательностям, а я – на работу. Честно говоря, уже основательно притомился, но хозяева так заботились, чтобы у меня была возможность поработать в выходной напоследок, что пренебречь этим было совестно, и я отработал этот день.

Там, в конце прямой улицы не высотный дом, а гора и дворец на горе Сант-Эльмо

В последнее воскресенье командировки я выполз из дома, чтобы еще раз сходить в Сан-Северо. Мы там были с Танькой в наш предпоследний туристический визит в Неаполь. Поразительная скульптура «Христос под плащаницей» оставила настолько сильное впечатление, что нынче захотелось его как-то освежить. То, что там запрещено снимать, я хорошо помнил, но надеялся как-нибудь, телефоном. Оказалось, что от нашего дома до этой церкви – всего ничего, а попутно я разобрался с поразившим меня много лет назад фактом. В один из редких своих выходных вместе с соседом по квартире на Пьяцца Медалье д'Оро – индийским аспирантом Мухаммедом мы отправились на гору Сант-Эльмо, и оттуда с высоты я обнаружил удивительное явление. Сеть, как и подобает, хаотических кривых улочек центра Неаполя прорезала абсолютно прямая длинная улица, разрезающая

город, как по линейке. Я это запомнил, но этот факт отпечатался в памяти как нечто невероятное, возможно, оптическая иллюзия... И вот нынче, идучи к Сан-Северо, я оказался перед площадью Сан-Доменико Маджоре и, подняв за какой-то надобностью

глаза, увидел гору Сант-Эльмо и прямую улицу, ведущую к ней – оказалось она и вправду существует.

Сама церквушка запрятана так, что, не зная – хрен найдешь. С другой стороны, подойдя по навигатору в упор к ней, уткнулся в хвост туристов, потихоньку продвигающийся к входу. Билет, надо сказать, недешев – 7 евро, если не ошибаюсь. Очередь двигалась, как обычно, рывками, но нельзя сказать – медленно. С полчаса стояния, и я оказался внутри церкви. Конечно, ни малейшего шанса сфотографировать что-либо не было – с десятков взоров надзирателей бдили в упор и неотступно. Между прочим, и в интернете поиск фотографий из Сан-Северо принес небогатый урожай – лишь маленький кусочек. Но, в очередной раз убедился – фото не передает того, что способен ухватить глаз. Совершенно невероятное впечатление прозрачности камня, какой-то прием, до которого додумался великий мастер...

Прочие аттракционы церкви, хотя и забавны, ни в какое сравнение по впечатлению не идут.

Выбравшись на воздух, я заозирался в поисках какого-нибудь общепита. Обычно глазастый Денис первым высматривал питательный пункты, а тут пришлось рыскать самому.

Впрочем, как и всегда в Италии, процесс долгого времени не занял, и я устроился за столиком под теплым солнцем на площади Сан-Доменико Маджоре. Обслуживали не спеша, но и мне впервые за две недели было особо некуда торопиться.

Вечером ко мне заглянул Денис, который улетал отдельно от меня рано утром, он промчался и по Помпеям, и по Эрколано, и заглянул в Сан-Северо (когда только успел!). По-моему, впервые я услышал в тоне его описания впечатлений что-то похожее на восторг. Наверное, тут сказывается разница наших поколений (плюс – индивидуальных темпераментов): для меня сам факт того, что я попал в историческое место, о котором много читал, но совершенно не рассчитывал увидеть собственными глазами, доставлял неземной кайф. А для молодого, в самом начале карьеры побывавшего на международной конференции и вообще не испытывавшего религиозных чувств перед выездом за рубеж, такая поездка – уже что-то вроде рядового события.

Молодой отличился от меня еще и тем, что без всяких колебаний вызвал себе такси и укатил на нем в аэропорт Каподиккино, а я стал в уме прикидывать, не выбились ли мы из сметы ASSEMBLE Plus, решил, что вполне могли и выбиться с такими расценками на такси (60 евро), и по совету Раффаэле, подарившего мне билет за 1.10 евро, протопал пару кварталов до остановки автобуса в сторону аэропорта. Прямые автобусы дотуда ходили редко, и, конечно, метрах в ста от остановки меня обогнал один такой. У меня был

большущий запас времени, но видеть хвост уходящего автобуса мне показалось унижительным, и я пропустил за ним, благо в диком трафике автобус до остановки полз еле-еле. Как ни мало я брал с собой вещей в эту командировку, но все-таки чемодан и сумка и весили немало, и место занимали достаточно, а тут в автобус с каждой остановкой стал набиваться народ, как в 155-й автобус времен моей юности, везший меня с Хорошевки в Универ мимо Шелепихинской тюрьмы. По плану маршрута я определил, что мне до аэропорта 19 остановок, но, конечно, после 7-й или 8-й сбился со

счета и полностью сосредоточился на поддержании позы в суровых условиях неаполитанского автобуса.

Каким-то удивительным чутьем я спросил одного из попутчиков, не пора ли мне выходить, ровно за одну остановку до цели, и времени как раз хватило прорваться с вещами на исходную позицию перед дверями. Когда я оказался на улице, стало ясно, что мне здорово повезло с чутьем: аэропорта с дороги видно не было, и задержись я с вопросом – уехал бы черт знает куда и возвращался бы бог знает сколько. А так у меня оказалась куча времени на закусить и выпить напоследок неаполитанского кофе.

Наверное, это была моя последняя рабочая поездка в Неаполь. Помимо того, что лестно и интересно было поработать в этом историческом месте, связанном и с Мечниковым, и Ковалевским, и с самим Антоном Дорном, и с Хансом Дришем, это был опыт совершенно автономного длительного плавания за рубежом, вплоть до ежедневной готовки и самостоятельного выгона себя на прогулки и осмотр достопримечательностей, когда больше всего хотелось просто выключиться из сети. И это возникновение какой-то внутренней связи с местом, ощущение его родным – с всеми его преимуществами и недостатками – когда собственная жена, для которой Неаполь – лишь один из множества посещенных нами европейских городов, отзывается о нем с неодобрением из-за чудовищной замусоренности (что правда), становится немного обидно...

Это и опыт долгого сотрудничества с людьми, которые постепенно стали кем-то более близкими, чем абстрактные иностранцы, с которыми сталкиваешься в толпе на улице. И с ними устанавливаются такие отношения, когда тебя ночью везут на своей машине на вокзал и приглашают домой в гости, что не очень-то принято в Европе. Кстати, в этот раз Элизабетта ужасно переживала, что не может позвать к себе в гости – у нее, наконец, появился долгожданный внук, которому едва сравнялось четыре месяца... Когда с тобой ведут разговоры о мировоззрении, и ты понимаешь, что, в отличие от тебя самого, даже материалистически мыслящие коллеги с детства настолько сращены с религиозной концепцией, что это неизбежно и очевидно отражается на их логике. И при этом не возникает психологического отталкивания...

Да, наверное, это последний рабочий визит в Неаполь, но получилось передать и этот контакт следующему поколению – молодым ребятам, которым еще работать и работать, и может быть это им поможет. Как и связь с Котором, я не зажил и это.

***

В Мюнхен мы прилетели с приличным опозданием, и я еще в самолете стал заранее пробиваться поближе к выходу. По дороге в Неаполь меня впечатлили «американские горки» мюнхенского хаба, и теперь, подгоняемый призывами местной трансляции немедленно явиться к месту посадки пассажиров московского рейса, я мчался по ним что

было мочи, хотя куда бы они делись с моим багажом на борту... Тем не менее, когда ждал челночный монорельс в терминал, откуда летают за пределы границ шенгена, нервничал и бил копытом. А потом, под завывание динамиков, что посадка на московский рейс заканчивается, я ворвался в накопитель, показал посадочный талон и плюхнулся в свое кресло.

В Москве мы приземлились поздней ночью 18 февраля. Это существенно, потому что через две с половиной недели у меня появились симптомы простуды – такие же, как у жены, которая никуда на этот раз не ездила, поднялась температура, появился изнурительный кашель, и я вызывал на дом врача из клиники MedSwiss, в которой у меня недешевая годовая страховка. Вызов как раз совпал с первой волной паники по поводу коронавируса, и мой ответ на вопрос был ли я за границей поверг девушку в клинику в шок. Только на завтра мне оттуда отзвонили и заявили, что я должен вызывать врача по месту жительства, а тот сделает мне пробы и уж тогда, так и быть, медсвиссовацы мной займутся. К моему удивлению парень из районной поликлиники вычислил, когда я убрался из эпидемически угрожаемого района, спокойно меня выслушал и без долгих церемоний прописал нужные лекарства.

А неаполитанские коллеги остались беду вековать – на комендантском часе из-за эпидемии, разразившейся у северян, с которыми у южан и так все непросто. Надеюсь, что и мы, и они минует беды без слишком больших потерь.